В. М. Истрин, следуя за Н. К. Никольским, также приписывает совершившийся в XI веке перелом в мировоззрении русского общества появлению монашества и связанному с ним аскетизму. В этом В. М. Истрин усматривает отрицательное значение прибывшего в Киев греческого клира,[1] хотя Киево-Печерский монастырь не имел в своем составе ни одного грека и мало общался как с митрополитом, так и с окружавшими его греческими клириками.

Конечно, Киево-Печерский монастырь, пользовавшийся большой поддержкой великого князя и господствующего класса и являвшийся рассадником высших иерархов русской церкви, представлял собой мощную идеологическую силу. Но при всем этом надо обладать слишком большой долей наивности, чтобы верить, что одна только монашеская проповедь аскетизма могла „испортить настроение“ хотя бы одного господствующего класса, а тем более всего русского общества. Надо еще добавить, что представление о Киево-Печерском монастыре как образце „истинного благочестия“ и строгости христианских „подвигов“ ни на чем не основано. Все исторические сведения о Киево-Печерском монастыре, запечатленные в Киево-Печерском патерике и в некоторых летописных записях, исходят от постриженников монастыря и его горячих поклонников. Они ставили перед собой задачу возвеличить Киево-Печерский монастырь и всячески подчеркнуть его значение в насаждении „истинного“ христианства. Они явно идеализируют существовавшие в монастыре порядки, и к их показаниям следует относиться с величайшей осторожностью. Из дошедших до нас источников, при всей их тенденциозности, выявляются распущенность, недисциплинированность, праздность и алчность братии Киево-Печерского монастыря.[2]

Приведенные выше взгляды о смене на Руси одного мировоззрения другим в результате занесения извне монашеского аскетизма проникает иногда и в советскую историографию. Так, например, повторяя в сущности изложенные выше мысли Н. К. Никольского, В. В. Мавродин пишет, будто „русские были уверены в том, что, крестившись, они уже получили «спасение», и в этом одна из причин религиозного оптимизма древней Руси. Религиозный оптимизм предполагал, что путь к «спасению» не в покаянии, не в постах и лишениях, а в самом крещении, причем главной заповедью являлась милостыня, которой приписывалась «спасающая» сила, едва ли не бóльшая, чем все религиозные «таинства». Поэтому древнерусское христианство проникнуто необычайной жизнерадостностью, а его практика сводилась к милостыне для бедных и к участию в пирах...“.[3]

Нарисовав такую умилительную картину „хорошего“ „обрусевшего“ христианства, В. В. Мавродин предпринимает попытку вскрыть внутренние причины так называемого религиозного оптимизма. „Причина религиозного оптимизма, — пишет он, — лежит в самой Руси. Русь с невероятной силой рвалась вперед, и ничто и никто не мог остановить ее победного марша. Сознание гордости за свою страну, за ее дела пронизывает древнерусскую литературу. Русь быстро шла вперед по пути прогресса. Она была богата и сильна“. На плечи народных

[1] В. М. Истрин, ук. соч., стр. 96.

[2] О распущенности нравов в Киево-Печерском монастыре см.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1940, стр. 204—216; И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. Исторические записки, т. 35, М., 1950, стр. 210—211.

[3] В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 335; 2) Древняя Русь. Госполитиздат, 1946, стр. 241.